

English version: [Ulybina E.V. Constancy as a distinguishing feature of football fans identity](#)
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)
[Литература](#)
[Ссылка для цитирования](#)

Предмет анализа – осознание возможности произвольного изменения категорий идентичности у футбольных фанатов и нефанатов; связь этого параметра с самооценкой и гендерными характеристиками. Испытуемые – члены клуба футбольных болельщиков (фанаты, n = 50) и группа не являющихся футбольными фанатами (n = 50). Использовались: модифицированная методика Куна–Макпартленда (Тест 20 утверждений) и модифицированный полоролевой опросник С.Бэм. Результаты показали, что образ Я фанатов обладает большей связанностью, чем у нефанатов, что повышает ригидность личности. Фанаты обладают меньшей уверенностью в возможности произвольного изменения идентичности, чем нефанаты. Оценка возможности изменений идентичности у фанатов связана с самооценкой, маскулинностью и преобладанием личностных категорий над социальными (отрицательные корреляции). У нефанатов эти связи отсутствуют. Выявленные особенности идентичности фанатов соответствуют антипротеевской идентичности.

Ключевые слова: идентичность, футбольные фанаты, изменяемость идентичности, протеевская идентичность, гендер

В современной культуре спорт во всех его проявлениях является одним из наиболее распространенных механизмов укрепления идентичности. По словам Дж.Маккленси, спорт выступает носителем самоидентичности, давая людям средство дифференциации и классификации себя и других. Спорт используется для выполнения множества функций: определения более четких границ уже устоявшихся моральных и политических сообществ, для оказания помощи в создании новых социальных идентичностей, он дает физическое выражение определенных ценностей и создает пространство для противопоставления поддерживающих эти ценности групп [MacClancy, 1996].

Наиболее эффективно функцию дифференциации выполняет активная включенность в фанатское движение и поддержку команд, предоставляя субъекту надежную систему различения «своих» и «чужих», обеспечивая прочным чувством общности со значимой группой и позволяя проявлять активность, направленную на укрепление идентичности. В работе С.Бромбарджера утверждается, что «в конечном итоге футбольный матч дает сильную поддержку коллективной идентичности и усиливает противопоставления на местном, региональном и национальном уровнях» [Bromberger, 1993]. Поддержка индивидуального лица футбольной команды не только способствует формированию и сохранению общей идентичности болельщиков, но

также выступает средством индивидуализации себя в отношении других групп [Jenkins, 1996].

Во многих случаях идентификация с командой используется для того, чтобы заявить, кто чем является, или, что не менее важно, кто чем не является [Burdsey, Chappell, 2003]. Часто стремление к укреплению собственной групповой идентичности принимает крайние формы. Согласно А.Н.Тарасову, фанатская субкультура строится как изначально ксенофобская, обладающая высокой агрессивностью по отношению к любым «чужим». Стартовым условием фанатского движения Тарасов называет наличие противостояния между клубами, при котором чужая команда и ее фанаты автоматически воспринимаются как не свои, чуждые и более или менее враждебные силы [Тарасов, 2010].

Высокая нагруженность членства в фанатском клубе функцией поддержки идентичности позволяет предположить значимость для фанатов стабильности, неизменности идентичности. А современная социокультурная ситуация не способствует сохранению стабильной, неизменной идентичности. В конце XX века, как отмечает канадский философ Чарльз Тейлор [Taylor, 1989], условия формирования идентичности субъекта изменились коренным образом. Согласно Тейлору, те ценности, которые предлагает нам общество, не являются безусловно определяющими для нашей идентичности. В традиционном обществе система ценностей, существовавших в одной культуре, носила глобальный характер и не предполагала необходимости делать самостоятельный выбор из возможных вариантов. Человек принимал представления о себе самом, своем месте в обществе, своих характеристиках как нечто само собой разумеющееся и понятное всем. У него не было необходимости делать выбор того, чем он является. Однако сейчас такое единство отсутствует. «Поэтому и наша идентичность не предопределяется как нечто естественное. Тейлор утверждает, что в данном случае ценности, а следовательно и идентичность, – объект выбора со стороны отдельно взятых индивидуумов. Идентичность, таким образом, подлежит созданию...» [Свендсен, 2004, с. 225], а значит, должна рассматриваться как динамичный, подвижный феномен.

Представление об идентичности как возможном результате осознанного выбора со стороны самого индивида сформировалось относительно недавно. Согласно Э.Эриксону (E.Erikson), [Эриксон, 1996, 2000], предложившему стадиальную концепцию построения идентичности, формирование целостной устойчивой идентичности субъекта должно быть завершено, при благоприятном стечении обстоятельств, в подростковом возрасте. Состояние неопределенной идентичности или мораторий идентичности рассматривалось им и, в последующем, Дж.Марсиа [Marcia, 1966, 1976] как временное, переходное, а застревание на этом этапе считалось признаком нерешенных личностных проблем.

Однако в настоящее время внимание исследователей в большей степени привлекают динамические аспекты представлений о себе, что связано, как предполагается, с ускорившимся изменением социальной реальности. Е.П.Белинская (1999), рассматривая состояние исследований динамических аспектов идентичности, отмечает, что «своего рода общей линией в развитии исследовательских подходов к

анализу временных аспектов Я-концепции и идентичности был все больший переход от их структурно-функциональной определенности к идеям их динамической изменчивости и неопределенности» (Белинская, 1999, с. 146). Такое изменение обусловлено общим направлением развития культуры: «сегодня характерный для постмодернизма этос незавершенности, «открытости» личности ведет к выделению потенциальности как отличительной черты человеческого вообще, ставя для любого гуманитарного знания задачу изучения не только актуального, но и возможного бытия» (Белинская, 1999, с. 146).

Так, в работах Х.Маркус и других исследователей предметом анализа выступает концепция возможного Я [Markus, Nurius, 1986, 1987; Markus, Wurf, 1987; Markus, Ruvolo, 1989; Cross, Markus, 1994; Frazier et al., 2000; Smith, Freund, 2002; Rossiter, 2003; Wade, Frazier, 2003; van Dellen, Hoyle, 2008]. Понятие «возможного Я» позволяет рассматривать самость в процессе становления как единство представлений индивида о том, чем он был в прошлом и может стать в будущем, включая оценку вероятности такого изменения. Движущей силой изменений является стремление человека достичь возможной позитивной оценки и избежать возможной негативной. Хотя состояние неопределенности Я является некомфортным, оно имеет и продуктивные аспекты. В процессе производства возможного Я люди сами разрабатывают планы и стратегии достижения конкретных результатов [Markus, Nurius, 1987; Markus, Ruvolo, 1989; Markus et al., 1990].

М.Синнирелла [Cinnirella, 1998], развивая концепцию «возможного Я» Х.Маркус, ввел дополнительное измерение вероятности осуществления возможных Я в контексте актуальной и вероятной социальной реальности. Согласно Синнирелле возможные социальные идентичности строятся на концептуализации социальных категорий и групп, членом которых человек был в прошлом и может стать в будущем. Частные стороны возможного Я – это возможные социальные идентичности, реализуемые через членство в текущих и возможных группах. Кроме того, они включают в себя прогнозы о возможном изменении группового членства в будущем [Cinnirella, 1998, с. 230]. Изменяемость идентичности понимается им как временная перспектива существования Я, включая прошлое и будущее, как возможное Я и возможная идентичность, включающая то, чем человек мог стать в прошлом и еще может стать в будущем.

Фокус внимания исследователей в теории возможного Я и в теории возможной идентичности динамические аспекты Я-концепции и идентичности смещается на содержательную сторону изменений и анализ того, как знание о возможных вариантах самости включается в содержание актуальной Я-концепции и актуальной идентичности субъекта. Однако, как предполагается, люди могут различаться и по уровню осознания самой возможности произвольного изменения идентичности. Даже зная, что принадлежность к определенной группе является временной, человек может с большей или меньшей вероятностью включать этот элемент знания о себе в содержание актуальной идентичности. Построение идентичности на основе идентификации с теми группами, членство в которых зависит от воли и желания самого человека, предоставляет большую свободу в самоидентификации и делает человека в большей степени автором самого себя.

Ларс Свендсен, говоря о построении идентичности, отмечает, что «самоидентификация – это совсем не predetermined, неизменная величина ... главная особенность современности состоит в том, что индивиды в значительной степени должны создавать собственные повествования о самих себе, поскольку коллективное повествование уже не имеет большого значения» [Свендсен, 2004, с. 228], делая акцент на противопоставлении коллективного повествования и индивидуальной истории, в которой субъект сам определяет наиболее важные стороны своей жизни и самого себя – систему ценностей, целей, принадлежностей, ролей и пр. Доля собственного выбора становится все более значимой, увеличивая и долю ответственности субъекта за собственную жизнь. Что, в свою очередь, повышает уровень тревожности, вызванной отсутствием жесткой точки опоры и неопределенностью положения субъекта в мире.

Вместе с тем, как отмечает американский психиатр, психоаналитик, последователь Э.Эриксона Р.Д.Лифтон [Lifton, 1993], старая версия личностной идентичности, характеризующаяся внутренней стабильностью, была результатом традиционной культуры с неизменной, единой для всех системой ценностей. На смену ей приходит так называемая протеевская идентичность, предполагающая изменчивость и многообразие Я. Носитель протеевской идентичности сам выбирает основания для своего присоединения к человечеству и может сам изменять эти основания, если сочтет нужным. Но, как отмечает Лифтон, те же самые исторические условия, которые приводят к формированию протеевской идентичности, формируют и противоположную форму реакции на изменения в виде приверженности фундаментализму, претензиям на окончательную истину и неизменную моральную уверенность [Lifton, 1993, с. 10–11].

Однако это не избавляет носителей фундаменталистской идентичности от внутренней тревоги. «Самость фундаменталистов парадоксальным образом включает в себя одновременно и чувство полной безопасности за счет защиты со стороны абсолютной власти, и сильную настороженность и тревожность перед лицом постоянной угрозы со стороны внешнего зла» [Lifton, 1993, с. 168]. Если сущность протеевской идентичности связана с признанием сложности и неоднозначности мира, то фундаментализм строит защиту от тревог, связанных с изменением реальности, за счет когнитивного упрощения знаний о себе и окружающем мире, в результате чего мир разделяется на область абсолютного добра и абсолютного зла, без переходов и полутонов. Парадоксальность образа Я при фундаменталистской идентичности, как предполагается, достигается за счет низкого уровня рефлексии, что позволяет вытеснять неудобные, нежелательные знания о себе. Увеличение рефлексии в этом случае будет снижать самооценку за счет включения в образ Я неприятных для них сведений о себе.

В том случае, если изменчивость идентичности составляет проблему, то она может решаться за счет присоединения к группе, это одна из важнейших функций группового членства. Групповое членство обеспечивает знание о самом себе, о своем месте в мире и предоставляет опору на групповые нормы, ритуалы и ценности, что позволяет снять тревожность, вызванную неопределенностью ситуации.

Принадлежность к группе дает ответы на вопрос о том, как себя вести, какие цели ставить, что считать правильным и неправильным. Группа футбольных болельщиков дает возможность снизить тревогу неопределенности за счет включения в сообщество с разработанной системой ритуалов и групповых норм и, что наиболее важно, с четкими границами между своими и чужими.

Стремление к поддержанию неизменной идентичности связано, как предполагается, с представлением о преимущественной врожденности личностных характеристик. В исследованиях [Fornham, Johnson, Rawles, 1985; Nilsson, Ekehammar, 1989; Heyman, Gelman, 2000], в которых представления о врожденности личностных характеристик изучались с социологических позиций, показано, что консерваторы и верующие люди в большей степени придерживаются мнения о наследственной природе черт личности. С другой стороны, «чем левее партия, которой симпатизирует респондент, тем большее значение он придает среде» [Равич-Щербо и др., 2003, с. 28]. Представления о биологической заданности черт поддерживают общую веру в предопределенность мира, его иерархичную организованность и необходимость для человека сохранять, а не изменять существующий порядок, обеспечивая и неизменность собственной идентичности.

Люди, неуверенно чувствующие себя в изменяющемся мире, стремятся найти для себя способ преодолеть неопределенность, войдя в сообщество с четкими и ясными границами, с однозначным разделением на своих и чужих. В качестве примера Лифтон рассматривает, прежде всего, религиозных фундаменталистов и националистов. Однако возможность защиты от изменений предоставляют и многие субкультурные сообщества, к которым относится, в частности, субкультура футбольных фанатов. Фанатские сообщества обладают простой идеологией и дают своим членам чувство единства и принадлежности к «хорошей группе». Идеология фанатов включает высокий уровень национализма [Тарасов, 2010; Илле, 1999]. Им свойственны право-радикальные взгляды и высокий уровень консерватизма [Тарасов, 2010].

Это дает основания предполагать, что люди, входящие в фанатские сообщества, считают личностные характеристики более врожденными, чем те, кто не входит в фанатское сообщество. Фанатское сообщество – это преимущественно мужское сообщество, многие фанаты считают интерес к футболу обязательным признаком «настоящего мужчины». В работе Салахетдинова (2008) приводятся данные о высокой связи между включенностью в околофутбольную субкультуру и выраженностью маскулинности. Соответственно, как предполагается, наибольшие различия в оценке врожденных характеристик будут связаны с оценкой врожденности маскулинности.

Гипотезы исследования

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие гипотезы:

1. Фанаты, в отличие от нефанатов, обладают более низким уровнем осознания произвольности процесса построения идентичности и более высокой оценкой

врожденности личностных черт.

2. Субъективная оценка произвольности идентичности у фанатов связана с другими значимыми элементами образа Я – самооценкой, оценкой маскулинности, сходством с образом типичного фаната, когнитивной сложностью.

3. Уровень когнитивной сложности у фанатов обратно пропорционально связан с уровнем принятия себя (уровнем самооценки, маскулинности и сходством с образом болельщика).

4. Интерес к футболу без членства в фанатском сообществе не связан с уровнем изменчивости идентичности.

Методы

В исследовании принимали участие 50 членов клуба футбольных болельщиков и 50 юношей, не являющихся членами клубов болельщиков. Материал собран Е.Строковой. Выборки были уравниены по возрасту и уровню образования. Все испытуемые – студенты московских вузов.

Уровень интереса к футболу имеет не дискретный, а континуальный характер. Юноши могут не входить в фанатский клуб, но активно интересоваться определенной командой, читать о ней, смотреть игры как на стадионе, так и по телевизору. Для контроля выраженности интереса к футболу в опросник была включена шкала оценки степени включенности в футбольное сообщество (от 1 до 5 баллов). К сожалению, не удалось собрать максимально полярную выборку по уровню включенности в футбольное сообщество. Среди испытуемых нет тех, кто принимает регулярное участие в массовых драках с представителями других фан-клубов, является лидерами фан-движения. Подвыборка неболевщиков включает испытуемых с полным отсутствием интереса к футболу и слабым интересом. Но даже такой уровень дифференциации болельщиков и неболевщиков показал наличие значимых различий в структуре связей элементов идентичности.

В работе были использованы модифицированная методика «Тест двадцати утверждений» М.Куна (M.Kuhn), Т.Макпартленда (T.Mc.Partland) [Бодалев, Столин, 2006] и модифицированный полоролевой опросник С.Бэм (S.Bem) [Вопросник ... , 2003, с. 227–280].

Испытуемые должны были после выполнения стандартной процедуры в «Тесте двадцати утверждений» оценить, насколько каждая из использованных категорий может быть ими изменена при желании. Уровень рефлексивности (когнитивной сложности) вычислялся как количество ответов, данных субъектом на вопрос «Кто я такой».

Значимость гендерных характеристик для фанатов определило использование списка качества из методики С.Бэм для описания образа Я и типичного болельщика, оценок

желательности каждого качества и его врожденности по пятибалльной шкале.

Для сравнительного анализа был использован критерий Манна-Уитни, так как распределение показателей не соответствует нормальному. Анализ осуществлялся с использованием программы Statistica 8.1.

Результаты

Категории, которыми описывают себя испытуемые, обладают разным уровнем потенциальной изменчивости. Среди социальных категорий (по разной терминологии – категорий членства, приписывающих категорий) есть потенциально неизменяемые или слабо изменяемые – человек, сын, брат, отец, мужчина, указание на этническую принадлежность (в нашем случае встречалось только «русский»). Другие категории, с которыми идентифицирует себя человек, могут быть потенциально изменены. К ним относится указание на профессию, хобби (спортсмен, рыболов), место жительства (россиянин, москвич), статус (студент, муж), и пр. Личностные (дифференцирующие) категории описывают человека через индивидуальные характеристики (лентяй, трудоголик, интроверт, гуляка и пр.). В рамках данного исследования наибольший интерес представляет оценка изменчивости потенциально изменяемых категорий.

Таблица 1

Оценка возможности произвольного изменения категорий идентичности фанатами и нефанатами

Оценка возможности и изменчивости	Фанаты		Нефанаты		Межгрупповые различия	
	M	SD	M	SD	U	p
всех категорий и идентичности	2,498	1,188	2,780	0,795	962,0	,047
дифференцирующих (личностных) категорий	3,146	1,442	2,772	1,226	4647,5	,061
социальных категорий, обладающих потенциальной изменчивостью	2,745	2,745	3,287	1,485	637,5	,004

Примечания. Здесь и далее в тексте: M – среднее арифметическое, SD – стандартное

отклонение, U – значение критерия Манна–Уитни, p – уровень значимости.

Проведенный анализ показал (табл. 1), что фанаты оценивают возможность изменения всех категорий идентичности, и потенциально изменчивых в частности, значимо ниже, чем нефанаты. Дифференцирующие (личностные) категории фанаты считают более изменчивыми, чем нефанаты, на уровне тенденции.

Личностные категории нефанаты считают значимо менее изменчивыми, чем социальные (U = 6301,5, p = 0,002), а фанаты – значимо более изменчивыми (U = 4587,5, p = 0,049).

Уровень врожденности качеств, входящих в образ Я, определялся по результату корреляции оценок выраженности качеств, входящих в образ Я при описании себя по методике С.Бэм, и оценок врожденности каждого качества. Аналогичным образом определялась оценка желательности врожденных качеств. Врожденность маскулинных, фемининных и нейтральных характеристик определялась как средняя оценка врожденности фемининных, маскулинных и нейтральных качеств.

Таблица 2
Оценка врожденности личностных характеристик фанатами и нефанатами

Уровень врожденности	Фанаты		Нефанаты		Межгрупповые различия	
	M	SD	M	SD	U	p
качеств, входящих в образ Я	0,578	,354	0,405	,338	915,0	,020
желательности качеств	0,503	,364	0,313	,311	905,0	,017
маскулинных качеств	3,338	,929	2,907	,701	815,0	,003
фемининных качеств	2,901	,624	2,873	,802	1243,5	,964
нейтральных качеств	2,948	,607	2,819	,715	1107,0	,324

Данные, приведенные в табл. 2, показывают, что фанаты по сравнению с нефанатами считают более врожденными качества образа Я, маскулинные и желательные характеристики. По уровню оценки врожденности нейтральных и фемининных качеств различия незначимы.

Гипотеза о том, что фанаты оценивают врожденность черт личности выше, чем нефанаты, подтвердилась для оценки врожденности желательных характеристик, характеристик образа Я и маскулинных черт. Врожденность качеств образа Я у фанатов определяется, судя по всему, оценкой врожденности маскулинности образа Я.

Однако более высокая оценка фанатами маскулинных черт как врожденных противоречит оценке ими дифференцирующих (личностных) категорий идентичности как более изменяемых. Дальнейший анализ показал, что у фанатов уровень

маскулинности прямо связан с преобладанием социальной идентичности над личностной ($r = 0,284$, $p = 0,045$). Чем больше дифференцирующих категорий используют фанаты, тем ниже они оценивают собственную маскулинность и выше – фемининность и, соответственно, тем ниже доля врожденных, по их мнению, качеств в образе Я.

У юношей, различающихся по принадлежности к фанатскому сообществу, оценка изменчивости категорий идентичности имеет разную структуру связей с другими характеристиками. У нефанатов возможность изменения категорий идентичности не имеет значимых связей с другими показателями. У фанатов изменчивость отрицательно коррелирует с преобладанием социальных категорий над личностными ($r = -0,535$, $p = 0,000$), с уровнем собственной маскулинности ($r = -0,337$, $p = 0,017$), с самооценкой ($r = -0,333$, $p = 0,018$) и сходство с образом типичного болельщика ($r = -0,30$, $p = 0,034$). У фанатов неизменность идентичности прямо связана с хорошим отношением к себе, самооценкой, маскулинностью и сходством со значимой фигурой болельщика.

Уровень самооценки фанатов отрицательно коррелирует и с уровнем рефлексивности ($r = -0,5$, $p = 0,000$), и с уровнем фемининности ($r = -0,443$, $p = 0,003$), и прямо связан с уровнем маскулинности ($r = 0,516$, $p = 0,000$), оценкой врожденности качеств маскулинности ($r = 0,335$, $p = 0,017$), врожденности качеств образа Я ($r = 0,319$, $p = 0,024$), сходством с образом болельщика ($r = 0,690$, $p = 0,000$) и оценкой врожденности качеств болельщика ($r = 0,611$, $p = 0,000$).

У нефанатов самооценка имеет гораздо меньше значимых связей с другими характеристиками и связана только с уровнем маскулинности ($r = 0,341$, $p = 0,017$). Связь самооценки с когнитивной сложностью близка нулю ($r = 0,058$, $p = 0,686$). У фанатов среднее количество категорий $M = 5,62$, $SD = 2,284$, у нефанатов $M = 6,42$, $SD = 2,11$, различия в уровне когнитивной сложности не значимы, хотя у фанатов когнитивная сложность ниже на уровне тенденции ($p = 0,060$).

Фанаты и нефанаты различаются по характеру связей когнитивной сложности с другими характеристиками. В подвыборке фанатов когнитивная сложность прямо связана с выраженностью фемининных качеств в образе Я ($r = 0,463$, $p = 0,001$) и желательностью этих качеств ($r = 0,429$, $p = 0,002$) и обратно связана – с выраженностью маскулинных ($r = -0,353$, $p = 0,012$). У нефанатов количество категорий идентичности не связано с гендерными качествами.

У фанатов когнитивная сложность обратно связана с оценкой врожденности качеств, входящих в образ болельщика ($r = -0,481$, $p = 0,000$), оценкой врожденности желательных качеств ($r = -0,464$, $p = 0,001$), оценкой врожденности собственных качеств ($r = -0,297$, $p = 0,036$) и сходством с образом типичного болельщика ($r = -0,407$, $p = 0,003$). У нефанатов связь между этими показателями отсутствует. С повышением количества категорий у фанатов уменьшается уверенность в предопределенности значимых характеристик.

Когнитивная сложность у фанатов обратно связана с преобладанием социальной

идентичности над личностной ($r = -0,415$, $p = 0,003$). У нефанатов эти связи не значимы. У фанатов при сокращении количества категорий идентичности количество дифференцирующих уменьшается в большей степени, чем у нефанатов.

У нефанатов когнитивная сложность обратно связана с уровнем интереса к футболу ($r = 0,437$, $p = 0,001$), у фанатов эта связь не значима. Уровень интереса к футболу у фанатов не вносит изменений в когнитивную сложность, в то время как у нефанатов при повышении увлеченности футболом наблюдается снижение рефлексивности.

Связь когнитивной сложности с оценкой изменяемости идентичности у фанатов не достигает уровня значимости ($r = 0,246$, $p = 0,084$). У нефанатов связь этих показателей близка нулю.

У нефанатов средний уровень интереса к футболу равен 1,5 балла, $SD = 0,504$, у фанатов – 2,98, $SD = 0,820$, различия значимы ($U = 221,0$, $p = 0,000$). У нефанатов интерес к футболу значимо связан только с оценкой врожденности качеств образа типичного болельщика ($r = 0,288$, $p = 0,042$) и не имеет значимых связей с другими показателями.

Обсуждение

Гипотеза о меньшей осознанности процесса произвольного построения идентичности у людей, включенных в иерархическое, гендерно схематизированное сообщество с жесткими границами – сообщество фанатов, подтвердилась. Фанаты оценивают категории, с которыми они себя идентифицируют, как менее доступные произвольному изменению. Наибольшая разница в оценке изменчивости распространяется на оценку тех социальных категорий, которые потенциально могут быть изменены. Для фанатов чаще, чем для нефанатов, неизменяемыми являются членство в фанатском сообществе, хобби, профессиональная принадлежность, гражданство и другие социальные характеристики, которые в принципе доступны для изменений.

Нефанаты считают личностные категории намного более стабильной характеристикой, чем категории группового членства, а фанаты наделяют большей устойчивостью принадлежность к группе. Фанаты, в отличие от нефанатов, связывают собственную идентичность преимущественно с внешними структурами, постоянная принадлежность к которым дает видимое подтверждение устойчивости. Возможно, нестабильность вне социальных структур создает у них то ощущение зыбкости и неустойчивости идентичности, для преодоления которого фанатам необходимо поддерживать неизменность групповой принадлежности.

Предположение о том, что фанаты считают более врожденными личностные черты, подтвердилось частично, только по отношению к маскулинности. Оценка врожденности фемининных и гендерно нейтральных характеристик у фанатов и

нефанатов не различается. Фанаты приписывают большую врожденность наиболее ценным для них чертам. С уровнем врожденности маскулинности у фанатов прямо связан уровень самооценки. Фанатам, подчеркивающим собственную маскулинность и придающим ей большое значение, важно быть уверенными, что эти столь ценные характеристики, которые традиционно считаются мужскими, заданы природой и не могут зависеть от внешних обстоятельств. Фемининные и нейтральные качества не воспринимаются как значимые и потому не считаются заданными природой.

Вместе с тем уровень маскулинности у фанатов прямо связан с социальной идентичностью и обратно – с личностной: маскулинность тем выше, чем выше идентификация себя через членство в группе по отношению к идентификации через дифференцирующие характеристики. Можно предположить, что для фанатов ощущение себя мужчиной определяется, прежде всего, членством в социальных группах и фанатское сообщество как раз и выполняет функцию поддержания гендерной идентичности. В результате изменчивость идентичности воспринимается ими как достаточно опасная ситуация, связанная с потерей ощущения мужественности и самоуважения. При этом противоречие между оценкой маскулинных характеристик как врожденных и связью маскулинности с членством в социальных структурах служит основанием для поддержания неуверенности в себе. Чем меньше включенность в социальные структуры, тем ниже и ощущение гендерной идентичности, которая осознается фанатами как врожденная, но, вероятно, не ощущается как нечто неизменное. Это, возможно, заставляет людей с антипротеевской идентичностью стремиться к членству в стабильных социальных структурах, обеспечивающих уверенность в собственном гендере.

У фанатов, как отмечено выше, уровень маскулинности связан с уровнем включенности в стабильные социальные группы, а дифференцирующие категории описывают человека как не принадлежащего к определенной группе. Более высокая оценка врожденности маскулинных характеристик у фанатов сочетается с более высокой оценкой изменчивости личностных категорий идентичности. Это соответствует «парадоксальности» фундаменталистской идентичности, о которой говорит Лифтон. Парадоксальность включает в себя не только сочетание чувства защищенности со страхом и тревогой, но и сочетание высокой оценки врожденности маскулинности с высокой оценкой изменчивости дифференцирующих категорий идентичности.

Это сочетание может быть объяснено тем, что в свободном описании фанаты, как и нефанаты, практически не использовали в числе дифференцирующих категорий маскулинные свойства, а другие качества не оцениваются ими как постоянные. Можно предположить, что фанаты в целом ощущают меньшее постоянство образа Я и, испытывая от этого дискомфорт, пытаются бороться с ним включением в стабильные социальные группы. В первоначальном варианте опросника был вопрос о возможности перейти в ряды болельщиков другой команды. Вопрос был убран, так как все фанаты указывали на полную невозможность изменить своей команде.

Предположение о том, что антипротеевская идентичность выполняет функцию защитного механизма, действующего по типу когнитивного упрощения, подтверждает

факт, что при повышении рефлексивности у фанатов снижается самооценка, уменьшается маскулинность и одновременно увеличивается фемининность образа Я. Чем больше фанаты знают о себе, тем меньше им нравятся эти знания. На основе имеющихся данных мы не можем говорить о причинной связи между этими показателями. Либо при увеличении знаний о себе фанаты обнаруживают, что имеющиеся характеристики далеки от идеала и включают в себя нежелательные фемининные черты, либо же более фемининные фанаты с более низкой самооценкой обладают большей когнитивной сложностью. В любом случае у фанатов есть психологические основания для упрощенного представления о себе, так как детализация и усложнение связаны с некомфортной для них ситуацией.

Связь когнитивной сложности с гендерными характеристиками, сходством с болельщиком и оценкой врожденности собственных качеств является специфической для фанатов. У нефанатов эти связи отсутствуют, но существует обратная связь когнитивной сложности с привлекательностью образа болельщика. Юноши – не болельщики, обладающие более детализированным образом Я, не считают образ типичного болельщика близким идеалу.

Гипотеза о связи когнитивной сложности с уровнем изменчивости идентичности не подтвердилась. Используемые для описания себя категории имеют разный характер связи с уровнем изменчивости идентичности. Проведенный анализ показал, что у фанатов оценка неизменности социальных категорий связана с повышением изменчивости дифференцирующих категорий. Таким образом, при увеличении количества социальных категорий общий уровень когнитивной сложности будет повышаться, а уровень изменчивости идентичности – снижаться. У нефанатов не выявлено значимой связи изменчивости идентичности с преобладанием социальных или дифференцирующих категорий. Как предполагается, это связано с тем, что среди нефанатов есть люди с разными интересами и ценностями, по-разному относящиеся к изменчивости социальной реальности. Связь изменчивости идентичности с когнитивной сложностью может быть опосредована другими факторами, что нуждается в дополнительной проверке.

Анализ связи уровня изменчивости идентичности с другими характеристиками и взаимосвязь этих характеристик показали, что структура идентичности фанатов менее дифференцирована, чем у нефанатов. У фанатов отдельные элементы обладают большей связанностью друг с другом, чем у нефанатов, и в результате изменение отдельных параметров ощущается как общее изменение Я, что повышает ригидность личности и в конечном счете снижает адаптивность в изменяющейся среде.

Описанные особенности идентичности фанатов можно интерпретировать как соответствующие идее Лифтона о том, что антипротеевская идентичность имеет природу защитного механизма, позволяющего справиться с тревогой по поводу изменения социальной реальности. Фанаты, признающие возможность изменения элементов идентичности и обладающие большей когнитивной сложностью, отмечают в себе большую фемининность и имеют более низкую самооценку, чем те из них, кто уверен в неизменности идентичности и врожденности качеств Я. У нефанатов эти связи отсутствуют, и они, как можно предположить, не нуждаются в идентификации

со стабильной социальной структурой для поддержания самооценки и гендерной идентичности.

Интерес к футболу и у фанатов, и у нефанатов не связан ни с изменчивостью идентичности, ни с оценкой врожденности личностных качеств. Это позволяет говорить о том, что без членства в группе увлечение спортивными играми не выполняет функции защиты по типу фундаменталистской, антипротеевской идентичности.

Выводы

Фанаты обладают меньшей уверенностью в возможности произвольного изменения идентичности, чем нефанаты, при этом наименее поддающимися изменению фанаты считают те категории, которые потенциально могут быть изменены. Дифференцирующие категории идентичности фанаты считают более изменчивыми, чем категории группового членства.

Изменчивость идентичности у фанатов обратно связана с уровнем самооценки и уровнем маскулинности. У нефанатов такие связи отсутствуют. При повышении рефлексии фанаты отмечают у себя нежелательные для них фемининные черты и меньшую врожденность качеств образа Я.

Образ Я фанатов обладает большей связанностью, чем у нефанатов, что снижает возможность изменения отдельных характеристик без общего изменения образа Я. Выявленные особенности идентичности фанатов соответствуют описанной Дж.Лифтоном фундаменталистской, антипротеевской идентичности.

Литература

Белинская Е.П. Временные аспекты «Я»-концепции и идентичности // Мир психологии, 1999. No. 19(3). С. 140–147.

Бодалев А.А. Столин В.В. Общая психодиагностика. СПб.: Речь, 2006.

Вопросник Сандры Бэм по изучению маскулинности – фемининности // Практикум по гендерной психологии. СПб.: Питер, 2003. С. 277–280.

Илле А.М. «Футбольный фанатизм в России: фан-движение и субкультура футбольных фанатов» // Молодежные движение и субкультуры Санкт-Петербурга (социологический и антропологический анализ). СПб.: Норма, 1999. С. 154–173.

Равич-Щербо И.В., Марютина Т.М., Григоренко Е.Л. Психогенетика. М.: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та, 2003.

Салахетдинов Э.Р. Личностные характеристики футбольных фанатов в молодежной

околоспортивной субкультуре: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2008.

Свендсен Л. [Svendsen L.] Философия моды. М.: Прогресс-Традиция, 2004.

Тарасов А.Н. Субкультура футбольных фанатов в России и правый радикализм // Русский национализм между властью и оппозицией: сб. ст. / под ред. В.Прибыловского. М.: Панорама, 2010. С. 18–50.

Эриксон Э. [Erikson E.] Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.

Эриксон Э. [Erikson E.] Детство и общество. СПб.: Летний сад, 2000.

Bromberger C. Fireworks and the ass // S.Redhead (Ed.). The passion and the fashion. Aldershot: Avebury, 1993. P. 89–103.

Burdsez D., Chappell R. Soldiers, sashes and shamrocks: football and social identity in Scotland and Northern Ireland // Sociology of Sport Online. 2003. Vol. 6(1). http://physed.otago.ac.nz/sosol/v6i1/v6i1_1.html

Cinnirella M. Exploring temporal aspects of social identity: the concept of possible social identities // European Journal of Social Psychology. 1998. Vol. 28(2). P. 227–248.

Cross S.E., Markus H.R. Self-schemas, possible selves, and competent performance // Journal of Educational Psychology. 1994. Vol. 86 (3). P. 423–438.

Frazier L.D., Hooker K., Johnson P.M., Kaus R. Continuity and Change in Possible Selves in Late Life: A 5-Year Longitudinal Study / Basic and Applied Social Psychology. 2000. Vol. 2 (3). P. 37–243.

Furnham A., Johnson C., Rawles R. The Determinants of Beliefs in Human Nature / Personality and Individual Differences. 1985. Vol. (6). P. 75–680.

Heyman G.D., Gelman S.A. (2000). Preschool children's use of traits labels to make inductive inferences // Journal of Experimental Child Psychology. 2000. Vol. 7 (1). P. 1–19.

Jenkins R. Social identity. London: Routledge, 1996.

Lifton R.J. The Protean Self: Human Resilience in an Age of Fragmentation. Chicago: University of Chicago Press, 1993.

MacClancy J. Sport, identity and ethnicity // J.MacClancy (Ed.). Sport, identity and ethnicity. Oxford: Berg, 1996. P. 1–20.

Markus H., Cross S., Wurf E. The role of the self-system in competence // R.J.Stenberg, J.Kolligian (Eds.). Competence considered. New Haven, CT: Yale University Press, 1990. P. 205–225.

Markus H., Nurius P. Possible selves // American Psychologist. 1986. Vol. 41(9). P. 954–969.

Markus H., Nurius P. Possible selves: the interface between motivation and self-concept // K.Yardley, T.Honess (Eds.). Self and identity: Psychosocial perspectives. Chichester: John Wiley and Sons, 1987.

Markus H., Ruvolo A. Possible selves: personalized representations of goals // L.A.Pervin (Ed.). Goal concepts in personality and social psychology. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1989.

Markus H., Wurf E. The dynamic self-concept: A social psychological perspective // Annual Review of Psychology. 1987. Vol. 38(1). P. 299–337.

Marcia J.E. Development and validation of ego identity status // Journal of Personality and Social Psychology. 1966. Vol. 3 (5). P. 551–558.

Marcia J.E. Identity Six Years After: A Follow Up Study // Journal of Youth and Adolescence. 1976. Vol. 5(2). P. 145–160.

Rossiter M. Constructing the Possible: A Study of Educational Relationships and Possible Selves // Proceedings of the 44th Annual Adult Education Research Conference, ed. by D.Flowers et al. San Francisco: San Francisco State University, 2003. P. 363–368.

Smith J., Freund A.M. The Dynamics of possible selves in old age // Journals of Gerontology: Series B: Psychological Sciences and Social Sciences. 2002. Vol. 57(6). P. 492–500.

Taylor C. Sources of the Self: The Making of Modern Identity. Cambridge, Harvard University Press, 1989.

Van Dellen M.R., Hoyle R.H. Possible selves as behavioral standards in self-regulation // Self and Identity. 2008. Vol. 7 (3). P. 295–304.

Wade L.D., Frazier L.D. Cultural differences in possible selves during later life // Journal of Aging Studies. 2003. Vol. 17(3). P. 251–268.

Поступила в редакцию 14 октября 2011 г. Дата публикации: 18 июня 2012 г.

[Сведения об авторе](#)

Улыбина Елена Викторовна. Доктор психологических наук, профессор кафедры общих закономерностей развития психики, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская площадь, д. 6, 125993 Москва, Россия.
E-mail: evulbn@gmail.com

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Улыбина Е.В. Неизменность как характеристика идентичности футбольных фанатов.

Психологические исследования, 2012, 5(23), 6. <http://psystudy.ru>. 0421200116/0030.

ГОСТ 2008

Улыбина Е.В. Неизменность как характеристика идентичности футбольных фанатов // Психологические исследования. 2012. Т. 5, № 23. С. 6. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг). 0421200116/0030.

[Последние цифры – номер госрегистрации статьи в Реестре электронных научных изданий ФГУП НТЦ "Информрегистр". Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

[К началу страницы >>](#)